

ВЕРТИКАЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

С позиции идейной ортогональности горизонтального и вертикального путей познания анализируются две группы способов (стратегий) понимания индивидуальности – поверхностные и глубинные. Первые сосредоточены на структуре и статических параметрах индивидуальности и ограничиваются наблюдением и комментариями, а глубинные способы обращают внимание на динамику и метаморфозы, стремясь понять причины происходящих изменений. Среди глубинных способов выделяется психологический, в основе которого лежит понятие «психологизм» (Л.М. Баткин), дополненное авторской гипотезой о динамическом подходе к постижению индивидуальности.

Ключевые слова: индивидуальность, способы познания индивидуальности, психологизм, динамический подход, объяснение, понимание.

Два пути познания

Давно замечено, что в познании всегда присутствуют две возможности, два пути: горизонтальный и вертикальный. В силу разного рода причин вертикальный путь в психологических исследованиях индивидуальности освоен пока недостаточно, а предпочтение отдается привычному движению по поверхности. Между тем именно индивидуальное является сферой, где, по мысли М.М. Бахтина [3], критерием должна быть не точность познания, а *глубина* проникновения. Два пути ортогональны друг другу не только по направлению, но и по идеологии: горизонтальный сосредоточен на структуре и статических параметрах индивидуальности, ограничиваясь наблюдением и фиксацией, а вертикальный фокусируется на динамике и понимании причин происходящих метаморфоз.

Сопряженность вертикали с понятием глубины подразумевает наличие непроницаемой поверхности, скрывающей недоступное простому наблюдению. Это могут быть: корни или сердцевина, ядро, сущность, незнание, будущее, прошлое, подсознание, истина, тайна, подтекст, – все что угодно, в зависимости от задачи исследования и наших представлений о мире и о себе. Иными словами,

«вертикаль-глубина» таит в себе возможность разных прочтений, каждое из которых имеет собственное представление о способах погружения в проблему индивидуальности.

Темпоральная¹ гипотеза

Темпоральное представление рассматривает вертикаль как ось времени, а вертикальный вектор существования вещи как ее изменение или развитие.

Жиль Делез [5, с. 13–14], описывая двойное бытие вещи, дает ссылку на Платона, который предлагал различать: «...(1) измерение ограниченных и обладающих мерой вещей, измерение фиксированных качеств – постоянных или временных, – всегда предполагающих паузы и остановки, фиксацию настоящего и указывание на предмет: выделенный предмет со свойственной ему величиной – большой или маленькой – в данный момент времени; а затем (2) чистое становление вне какой-либо меры, подлинное и непрерывное умопомешательство, пребывающее сразу в двух смыслах. Оно всегда избегает настоящего и заставляет будущее

¹ Здесь и далее по тексту новые термины (не имеющие ссылок на иных авторов) введены мною в рабочем порядке.

и прошлое, большее и меньшее, избыток и недостаток слиться в одновременности непокорной материи. (“...Ни более теплее, ни более холодное, принявши определенное количество, не были бы больше таковыми, т.к. они непрестанно движутся вперед и не остаются на месте, определенное же количество пребывает в покое и не движется дальше”; “младшее – старше старшего, а старшее – моложе младшего. Но стать таковыми они не могут, потому что, если бы они стали, то уже не становились бы, а были бы”»).

Темпоральная гипотеза получила современное продолжение в представлении о двух типах мышления – *теоретическом* и *эмпирическом*, которое разрабатывал В.В. Давыдов [4]. Существенной характеристикой теоретического мышления он полагал видение объекта как развивающегося, в отличие от мышления эмпирического, сфокусированного на неизменных параметрах. Если эмпирический уровень мышления ограничен наблюдением, то теоретический уровень обобщения дает возможность понимать причины происходящих изменений, а также предвосхищать будущие преобразования изучаемого объекта в разных возможных вариантах течения событий. В.В. Давыдов полагал, что основы теоретического мышления можно и нужно формировать у детей уже в начальной школе [13].

Топографическая гипотеза

Указанием на давность догадки о существовании двух ортогональных осей познания может служить содержание одной даосской притчи.

«Правитель Мугун сказал Бо Лэ:

– Ты уже стар. Нет ли кого в твоём роду, чтобы послать вместо тебя на поиски коня?

– Мои сыновья умеют отличить хорошего коня по его виду и движениям, но не смогут найти чудесного коня, который мчится, не поднимая пыли. Но

есть у меня друг Гао, он знает коней не хуже меня. Призови его к себе.

Мугун так и сделал и отправил Гао на поиски коня. Через три месяца тот вернулся и доложил о находке.

– Какой это конь? – спросил Мугун.

– Каурая кобыла – был ответ.

Послала за кобылой, а это оказался вороной жеребец.

Мугун в неудовольствии призвал к себе Бо Лэ:

– Твой друг не способен разобраться даже в масти, он не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

– Неужели Гао достиг таких высот? – воскликнул Бо Лэ. – Он превзошел меня и других, он овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Уверен, что конь, которого он нашел, будет бесценным.

И когда привели коня, он оказался поистине несравненным».

Древняя притча для нас интересна тем, что в ней обозначены почти все основные составляющие топографической гипотезы о существовании двух нетождественных параллельных миров – сущности и явления:

- представление о том, что мир, помимо плотной вещественности и понятности, содержит в себе много неосознанного и неприкосновенного, неясного и таинственного;

- центрация внимания на внутреннем, явное расположение к глубинному пониманию;

- убежденность в том, что подлинное всегда скрыто от обыденного наблюдения;

- указание на большую редкость способности проникать в сущность.

Явление и сущность в пространственном аспекте предстают как поверхность и глубина, внешнее и внутреннее. На топографичность указывает также идея о парадоксальном сосуществовании

(и несовпадении) одновременно двух форм явления — внешней и внутренней (вороной жеребец и каурая кобыла). Здра́вый смысл, которому доступна лишь очевидная, внешняя сторона, убеждает нас, что у всех вещей существует одна определенная форма, но суть парадокса двойного бытия состоит в утверждении существования двух форм одновременно. Внутренняя форма недоступна органам чувств, мы не можем указать на нее рукой, и в этом смысле она всегда тайна. Но, интуитивно догадавшись о ее существовании, мы начинаем строить предположения о ее свойствах и особенностях.

Топографическая идея о сдвоенной яви (или двух видениях единого мира) существует и в другом варианте. В изложении С. Франка это выглядит так: «Когда Галилей вопреки показаниям чувственной очевидности и настояниям авторитетов утверждал, что Земля вращается, он также жертвовал очевидностью низшего порядка ради относительно высшей очевидности математического умозрения. ... высшая очевидность имеет преимущества над низшей, которая психологически хотя и действует сильнее на нашу природу, но логически имеет за себя меньше оснований, чем высшая очевидность, и по существу никогда не может опровергнуть последнюю, а может лишь ... неправомерно вытеснить ее из нашего сознания, заглушить ее в нас» [14, с. 42]. Овладение высшей очевидностью достигается через преодоление очевидности низшего порядка — чувственного и обыденного.

Параметры психологизма

Оба представления о глубине — топографическое и темпоральное — входят составными частями в понятие «психологизм».

Вслед за Л.М. Баткиным, под психологизмом я понимаю «... не просто возможность разглядеть за внешностью и поведением индивида некие внутренние

побуждения и страсти. (Такое, конечно, было уже в мифе.) Побуждения эти неявные. Они требуют специальной (психологической) проницательности. Отсутствие тождества внешнего и внутреннего, трудность и глубина психологизма объясняются в свою очередь тем, что каждый человек не похож на всех остальных. Он особенный. И психологизм (в отличие от древних представлений о “психее” и “характере”) — проникновение прежде всего в индивидуальное, особенное. В психологизме вся суть во внимании к подробностям (чужой или своей) неповторимой душевной жизни, которая как раз этим, т.е. уникальностью, общеинтересна и ценна.

Далее. “Неповторимое”, по определению, нельзя раскрыть до конца. Ведь оно есть субъект, который не может быть присвоен другим субъектом (см. у Бахтина). На дне все равно остается тайна, придающая значительность также тому, что разгадано. Исчерпать тайну личности, докопаться до итога не дано даже в отношении себя самого. Ибо “тайна” коренится в том, что личность не равна себе, не окончательна и, продолжая жить, “перерешает” себя.

Такова нарабатанная за последние два века смысловая аура вокруг этих понятий» [2, с. 62].

Л.М. Баткин, определяя параметры психологизма, фактически открывает еще один вариант представления о вертикали-глубине. Это живая индивидуальность человека, таинственное *динамическое* образование, которое никогда не завершится. Оно обозначает «...уникальный, самоценный, довлеющий себе и не совпадающий с собой, неготовый, неисчерпаемый, одновременно структурированный и лишь возможный мир отдельного человека, мир со своим хаосом и своей твердью, определившийся, но продолжающий определяться с каждым новым выбором, поступком и т.п.» [2, с. 702].

Динамическая индивидуальность не просто то, что наделено глубиной, но сама глубина, неиссякаемый источник всегда свежей жизни, который наполняет наш нрав, характер и наши поступки особой значимостью, одухотворяет некой в самой себе основанной глубиной.

Эволюционизм и креационизм

Обращаясь к истокам понятия динамической индивидуальности, я предположил, что своим появлением оно обязано противостоянию вероятностного (ортодоксального) и гипотетического (парадоксального) миропонимания.

Вероятностное понимание мира опирается на прошлое при объяснении того, что наличествует и что может произойти, в нем есть возможность вероятностного прогноза, но нет возможности предвосхищать то, чего никогда не было. В основе вероятностного миропонимания лежат две взаимосвязанные идеи — *креационизма* и *преформизма*, когда все возможные состояния раз и навсегда сотворенного мира возводятся к внешним исходным причинам, они подчинены неизменным универсальным законам, и тем пресекается перспектива возникновения подлинного становления и новизны. Преформированное развитие есть калькирование, репродуктивное воспроизведение, все этапы и метаморфозы которого, включая финал, заранее известны и предопределены исходно заложенным в объекте замыслом.

Блуждание в сумерках прошлого обрекает ортодоксальное понимание на горизонтальное скольжение по поверхности явления, наделяет людей рутинным мышлением, лишая воображения и способности удивляться новому и непонятному. «Для того чтобы удивляться, почему Вселенная такова, какова она есть, нужно иметь понятие о том, что она могла бы быть иной, чем она есть» [6, с. 269].

Человек в однообразно кружащемся мире представлен как существо завер-

шенное, подчиняющееся неумолимым законам, лишенное собственной воли, а его индивидуальность — составленная из элементов внутренняя необратимая окаменелость, влекущая его по жизни и не способная к саморазвитию в каждом отдельном человеке.

Особенности *гипотетического* понимания мира определяет сплав идей *эволюционизма* и *нонпреформизма* — творческого, прогрессивного, вертикального развития. Это миропонимание не обременено грузом прошлого, оно открыто небывалому, невероятному. Все, что в этом мире принято считать вечным, абсолютным и незыблемым, на поверку оказывается временным, шатким и относительным. Будущее для такого понимания многовариантно и непредсказуемо, и поскольку все в мире изменчиво и случайно, то истина относительна, мимолетна и субъективна.

Эволюционизм гипотетического понимания ставит в центре незавершенного мира человека живого, целостного, сущность которого в том, что он есть бесконечно и безгранично развивающееся, перedefельвающее себя существо и все особенности его психики, его духовности связаны именно с этим. Явное сходство идеи эволюционизма с идеей динамической индивидуальности указывает на понятийное родство гипотетического миропонимания и психологизма.

Глубина понимания

Вертикальное постижение индивидуальности как герменевтическая задача предполагает этап постановки вопросов, главным из которых является следующий: какого уровня глубины понимания мы хотим достичь?

Понять — в традиционном смысле значит упростить, привести к непротиворечивому виду, доступному здравому смыслу, потому что необходимость понимания возникает при столкновении

привычного с невероятным. В долгой борьбе с новым и непонятным сложились разные способы сведения-упрощения, каждый из которых оперирует смысловым тезаурусом, актуальным лишь в рамках данного уровня. Но поскольку границы между уровнями зачастую неочевидны и легко нарушаемы, то мы часто используем одни и те же слова для обозначения различных вещей, что, как правило, приводит к путанице и взаимному непониманию.

На сложность и актуальность проблемы сосуществования и взаимодействия смыслов и языков разных уровней описания указывают В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили в статье «Проблема объективного метода в психологии»: «Проблема психологического исследования осложняется и тем еще, что в нем чрезвычайно запутано отношение различных уровней языка, на котором мы вообще говорим о психическом. Мы имеем в виду наличную в психологии, как и в каждой науке, систему абстракций, определений, терминов, допущений и теоретических посылок, имеющую различный вид в зависимости от уровня, на котором ведется исследование, и изменяющуюся с каждым новым шагом анализа» [7].

Стремление развязать или хотя бы ослабить туго стянутый узел разноуровневых понятий привело к попытке разграничить и сгруппировать разнообразные способы понимания индивидуальности, взяв за основу гипотезу об идеологической ортогональности горизонталей и вертикалей, дополненную вышеизложенными представлениями о вертикали как глубине. При анализе способов понимания не было возможности опереться на заранее разработанную четкую схему, и потому последовательность изложения и критерии разделения корректировались по ходу работы. Например, на одном из этапов было замечено, что граница между горизонтальными

и вертикальными способами понимания совпадает с границей между теми способами, которые признают *самоценность* индивидуальности, и теми, которые стараются ее не замечать либо активно отвергают. В результате идея самоценности стала решающей при отнесении того или иного способа понимания к глубинным или поверхностным.

Аналитический способ понимания по праву занимает первое место среди поверхностных — вещь или явление можно понять, если узнать, из каких частей оно состоит и как они связаны друг с другом. Аналитический метод заточен под изучение внешнего, структурного и не срабатывает, когда встает задача постижения невидимой внутренней сущности, поскольку каждый раз, когда мы разнимаем предмет на части, мы не находим никакой сущности и видим, осязаем лишь новые поверхности, снова и снова находим лишь внешнее.

В адрес этого способа понимания и тесно связанной с ним аддитивной стратегии выдвинуто немало критических замечаний, и все-таки привычка складывать целое из элементов, единиц, блоков, атомов остается преобладающей. Аналитический способ в сочетании с аддитивной стратегией используется в большинстве типологических исследований, где «постижение» целостной индивидуальности обычно довольствуется отнесением ее к определенному типу. На первый взгляд это решение выглядит естественным и эффективным, что противоречит реальности, ибо число известных на сегодняшний день типологий трудно перечислить. Клубок черт, особенностей, характеристик, параметров и свойств не поддается разумному осмыслению, а отсутствие критериев достоверности искусственных типических образцов приводит к тому, что вместо целостной индивидуальности мы получаем множество инвентарных списков индивидуальных различий.

Иллюзии погружения

Системный, естественно-научный и ипостасный способы понимания внешне похожи на глубинные, но по признаку непризнания самоценности индивидуальности должны быть отнесены к поверхностным.

Системный способ понимания заключается в том, что что-либо понять можно только тогда, когда оно входит в какую-либо систему в качестве элемента, выполняющего определенную функцию. «Понимание же состоит в соотношении понимаемого как части с неким более обширным целым, понимать что-то — это значит представлять себе роль и место этого “чего-то” в составе более обширного целого. Только в этом случае и само это “что-то” может быть понято как целое» [1, с. 35]. Применительно к индивидуальности получается, что она есть пустота, которая собственным смыслом не обладает, а получает его при включении в систему, где индивидуальность понимается под углом зрения ее полезности, возможности использования для целей внешних по отношению к человеку. Системный способ, вынося смысл индивидуальности за ее пределы, лишает человека свободной воли: если моя индивидуальность нужна только для того, чтобы я мог играть роль элемента, винтика в системе, то я — просто кукла в чьих-то руках.

Среди многих системных способов укажу на два внешне различных, но внутренне схожих варианта — эволюционный и социологизаторский.

Эволюционный способ понимания (в отличие от креационного) выстраивает все трансформации живых организмов в линейный временной ряд, показывая, как примерно за миллиард лет из невзрачного комочка слизи вырастает человеческая цивилизация с ее культурой, наукой и философией. В общем русле эволюционного подхода, в основу которого положен принцип выживания наиболее приспособлен-

ных организмов, можно разглядеть два направления, диаметрально противостоящих друг другу по своей трактовке места индивидуальной изменчивости и индивидуальности в эволюционном процессе — *финалистское* и *нефиналистское*.

Образец *финалистского (селекционного)* направления представляет теория Пьера Тейяра де Шардена, согласно которой все траектории эволюционного процесса сходятся в точке Омега, где происходит «сверхсинтез» и эволюция завершается [12]. Предполагается, что эволюция точно знает, куда идти, а потому безжалостно отсекает «ошибочные» линии развития, в результате все мутационные линии *конвергируют* и в бесконечно удаленном будущем должны сойтись в одной вершинной точке. Индивидуальность в таком ракурсе смотрится как проба, случайность, обреченная на заклание, в точке схождения линий развития индивидуальности нет, а есть усредненный человек без лица, универсальный, никакой. Исходя из этого, финалистский вариант эволюционного понимания индивидуальности следует отнести к поверхностным способам.

Представителем *нефиналистского (неселекционного)* варианта эволюционного развития можно считать Герберта Спенсера, который формулировал универсальный закон эволюции как постоянный рост дифференциации материи и ее структурной организованности (это и есть, по его мнению, прогресс). В этом понимании фигура эволюции не провидит будущего, она не способна оценить, какие возникшие сегодня случайные качества окажутся необходимыми для успешной адаптации вида через месяц, век, миллионы лет. Слепая эволюция тащит на себе огромный мешок индивидуальных особенностей, ибо запасных ценных качеств никогда не бывает слишком много, их должен быть переизбыток, на все случаи жизни. Поэтому линии развития *дивергируют*, а индивидуальность при этом

выглядит положительной величиной, неслучайной случайностью. Однако можно сказать, что и в этом варианте эволюции нет дела до отдельного человека, его индивидуальность лишь необходимая часть паранойи эволюционного процесса, спящая потенция, которая, возможно, никогда не будет разбужена.

Социологизаторский способ рассматривает индивидуальность в социуме как частный случай дифференциации, наблюдаемой во всех природных системах, если возможности системы исчерпаны или отстают от потребностей развития. Любой организм растет и совершенствуется посредством физиологического разделения труда, и, таким образом, источником исключительной сложности организма является дифференциация и специализация органов и тканей. Каждый орган выполняет в совершенстве отдельную функцию, полезную для всего организма, который благодаря этому процессу развития становится все более сложным и универсальным. Подобным образом, с точки зрения социологизаторских теорий, специализированные индивидуальности дополняют друг друга при объединении в общество, что повышает его жизнеспособность. Индивидуальность в обществе вторична, она привязана к социальной функции, роли, профессии, способности.

При **естественно-научном** подходе индивидуальность рассматривается как индивидуальная форма воплощения всеобщей родовой сущности. У истоков естественно-научного понимания стоит сугубо позитивное представление, что реальный мир вне нас существует в единственном варианте, но интерпретация мира у каждого своя. С научной точки зрения, индивидуальное восприятие дает искаженную картину реальности, поскольку каждый человек видит мир таким, каким хочет его видеть, а не таким, каков он есть на самом деле. Многообразии субъективных

ошибочных взглядов преодолевается выделением постоянных, устойчивых элементов, вокруг которых происходит реконструкция реального мира. Понять здесь означает усреднить, очистить всеобщее от шелухи индивидуальности, свести к абстрактной норме или типу. Индивидуальность с этой точки зрения — тривиальная девиация, которую приходится терпеть только потому, что она есть единственный способ существования всеобщего.

Ипостасное понимание индивидуальности исходит из того, что человек есть символ, знак, представитель, средство реализации чьей-то высшей воли. «Личность основана на ипостасном единстве с Богом, через Божественное Лицо определяется лицо индивидуальное. Отношения с другими личностями строятся на принадлежности к единой человеческой ипостаси, т.е. к единой сущности, подразумеваемой за различием индивидуальных существований» [16, с. 167].

Принадлежность к единой сущности лишает человека индивидуального смысла жизни, он сливается в один общий смысл — непрерывно представлять эту сущность в бесконечных акциденциях. Реальна только единая для всех сущность, а индивидуальность человека есть симулякр, т.е. фантом, привидение, тусклое отражение стоящей за ним сущности, пыль и тень. Человек по законам мировой гармонии не должен захватывать слишком много для себя, чрезмерно перерастать общий уровень, он «...должен знать свое скромное место, и что даже сама *индивидуальность* человека есть греховная иллюзия, караемая смертью; лишь в добровольном признании себя служебным зависимым звеном мирового целого, лишь в смиренном приятии своей рабской зависимости от космоса и своего космического ничтожества человек покоряется божественной воле, исполняет свое единственное назначение и может надеяться не загубить себя» [14, с. 25].

При ипостасном понимании остается за пределами разумного понимания смысл непрерывного представления единой сущности в столь разнообразном виде. Повисают без ответа вопросы: в чем необходимость этого неисчерпаемого многообразия; почему так важно, чтобы ни одна акциденция никогда не повторяла другую; с какой целью единая партитура должна исполняться по-разному, в разных толкованиях, голосах, воплощениях?

Умалчивание заставляет думать, что истинной целью этого маскарада является сама пестрота, многообразие лиц и калейдоскоп масок. Здесь просматриваются два возможных варианта ответа, соответствующие еще двум различным способам понимания индивидуальности – *игровому и диалогическому*.

Ипостасная индивидуальность может быть представлена как постоянно обновляющаяся игра, спонтанное движение, лишённое конечной цели, бесконечное вращение сверкающего блестящими колёса. *Шоу-функция* индивидуальности смыкается с представлением о случайности и второстепенности индивидуальности, казусе эволюции, который используется для развлечения, поскольку ни на что другое не годится. С другой стороны, индивидуальность, удивляющая своими яркими гранями, выставляющая напоказ свою особость, – это не только радужный мыльный пузырь или раскрашенная побрякушка, но одновременно она является неиссякаемым источником новизны, питающим наш интерес к жизни, оживляющим чувства, эффективным способом борьбы со скукой и бессмыслицей.

Если стремление к постоянствам есть кардинальная черта человеческой психики, то не менее кардинальна наша тяга к переменам, первопричиной которой, несомненно, является *скука*. Если несколько раз подряд повторить одно и то же слово, то очень скоро можно убедиться, как непрочно держится в словесной оболочке

смысл. Точно также в однообразном круговороте буден смысл улетучивается из всего, что нас окружает, мир начинает растворяться, таять, краски жухнут, хандра и скука, отчаяние, тоска и депрессия быстро заполняют образовавшуюся пустоту, наступают пресыщение и отвращение.

Смысл шоу-функции индивидуальности – скрасить бессмысленность существования, разнообразить будни, отвлечь человека от грустных мыслей. Такая индивидуальность, безусловно, обладает очень высокой внешней ценностью и волшебной энергией, питающей искусство развлечения и искусство вообще, но сам человек при этом становится зависимым от внешней стороны своей индивидуальности, подчиняет свое развитие вкусам публики. Шоу-функция – это путь, которым индивидуальность, теряя самостоятельность, уходит в песок зрелищ.

Диалогический способ предполагает, что на благодатной почве несходства и разобщенности может вырасти (и действительно вырастает) нечто новое, что мы могли бы назвать духовным общением, возникающим в пространстве межличностного диалога. Диалогическое представление разрушает линейное построение обособленных, замкнутых в себе акциденций, и осмысляет, одухотворяет индивидуальность, которая в таком ракурсе предстает истинной целью разнообразия воплощений, а не побочным продуктом полиморфного явления неведомой и смутной единой сущности. Процесс согласования разных голосов и мнений способствует гармонии, украшенности и большему совершенству мира. Основоположником диалогического подхода считают Августина Блаженного с его пониманием Троицы не как линейности, а как диалога. Согласно Августину, «...в основе сущности Троицы (соотношения Божественных ипостасей) лежит такой феномен, как имманентный внутренний диалог самосозерцания, самопознания, общения

и любви, — сущность Бога мыслится в качестве не рядоположенной ипостасям Троицы, но в качестве реализующей себя в процессуальности их диалога» [8, с. 10]. Поскольку индивидуальность здесь выступает как условие существования пространства диалогического общения, как средство, а не цель, то мы не можем отнести диалогический способ к вертикальным, глубинным.

Вертикальные способы

Переходя к анализу **глубинных** способов, я прежде всего выделяю среди них группу *темпоральных*, которые рассматривают вертикаль как сукцессивность или вектор времени. Сюда можно отнести такие способы понимания, как исторический и дискурсивный. Понять здесь значит узнать, как явление возникло и как развивалось, реконструировать и экстраполировать этапы и стадии развития.

Исторический (он же археологический, культурно-исторический, социогенетический и т.п.) способ понимания предполагает, что индивидуальность завернута в тугую клубок многовековой истории, размотав который, мы сможем объяснить истоки, причины возникновения и развития, этапы, возможные трансформации и т.п. В отличие от эволюционных, исторические способы понимания занимают только человеком, полагая индивидуальность чисто человеческой особенностью; они сосредоточены на реконструкции строгой временной последовательности, порядка следования этапов развития, хотя усмотреть в генетическом процессе его этапы еще не означает его понять.

Ближе к пониманию стоит **дискурсивный** способ — особый случай среди темпоральных, потому что он выстраивает динамическую последовательность метаморфоз явления не в строгом хронологическом порядке, а в соответствии с логикой развития, эволюцией идей.

Возможность перекраивания временной последовательности вопреки хронологической реальности существует исключительно благодаря воображению, способному расчленять действительность на части и комбинировать группы идей в соответствии с тем или иным типом дискурса. Но главное, что, в отличие от исторического способа понимания, здесь в последовательный ряд добавляется весомый элемент гипотетического будущего, которому передается организующая и направляющая роль.

По этому поводу стоит привести большую цитату из Мишеля Фуко: «Предшествование не может служить мерилом для настоящего, напротив, оно само зависит от оценки настоящего или даже будущего. С этой точки зрения, вновь возникающие идеи не отстают в прошлое в ногу со временем, одни — далекие, но значительно опередившие свое время, сверкают нам, как близкие звезды, другие, даже будучи нашими современниками, едва мерцают. Идеи не выстраиваются в соответствии с линией времени, но группируются в некие осмысленные фигуры, одни — расплывчатые, другие — относительно четкие и устойчивые. Типы сопряжения последовательно появляющихся идей никогда не выполняются путем простого нагромождения или соположения последовательных элементов. Каждая действительно новая идея не зависит от прежних, напротив, старые идеи постоянно в корне переосмысливаются под влиянием новых идей, перегруппировываются и реорганизуются. Таким образом, прошлое выступает не как раз и навсегда застывшее образование, но предстает перед нами как вновь обретенная истина, как то, что подлежит преобразованию, как изменяющийся объект, и даже более того — как субъект, с которым можно и необходимо разговаривать» [15, с. 130].

В группу глубинных *топографических* способов я отношу *сущностный*

и полифонический. В отличие от темпоральных, движение по вертикали здесь понимается не как последовательное движение вдоль оси времени или оси дискурса, а как одномоментное интуитивное проникновение во внутреннюю сущность вещей.

Сущностный способ держится на представлении об ограниченности наших органов чувств, для которых доступна лишь внешняя оболочка мира, а также на вере в единственность невидимой сущности. Ставя знак равенства между сущностью и истиной, которая всегда желанна, но невидима, сущностный способ, таким образом, признает существование непознаваемой Тайны. Этот способ отличается явная фиксированность внимания на внутреннем (субъективном) и предрасположенность к глубинному пониманию; тем самым проводится различие между непосредственным наблюдением и пониманием, между «смотреть» и «видеть»: допускается также, что человек имеет (либо способен обрести) высшую тонкость видения, благодаря которой он «зрит незримое», проникает в области, не доступные природным органам чувств.

В отношении индивидуальности сущностный способ допускает одновременность двух форм индивидуальности – внешней и внутренней, для себя и для других. Две формы индивидуальности подчиняются разным законам, у них разный «генетический код», и потому отношения между ними могут варьировать от сотрудничества до независимости и соперничества. Настоящей, истинной полагается только невидимая внутренняя индивидуальность, а внешняя индивидуальность предназначена для социального общения или для защиты внутренней индивидуальности.

Полифонический способ – объемный, стереоскопический. Понять в этом случае – значит увидеть что-то одновременно во всех его функциях, проявлениях

и противоречиях. Этот способ, как и сущностный, признает множественность и многослойность мира, но есть и важное отличие – вера в субъективность истины, т.е. допускается ее множественность и относительность. Ни одно субъективное суждение о предмете не может быть окончательным и единственно верным, ибо «точка зрения» предполагает неподвижность наблюдателя, ограниченного плоскостным видением. Чтобы понять предмет как целостность, исследователь должен научиться видеть явление со всех сторон, т.е. двигаться вокруг явления самому (что далеко не всегда возможно) либо признать все существующие точки зрения как одинаково верные (или одинаково ложные), даже если они противоречат друг другу. Движение вокруг явления путем перехода от одной точки зрения к другой (при условии бесспорного равенства всех точек зрения, даже если они противоречат друг другу) предполагает, что наблюдатель обладает высокой интеллектуальной лабильностью, способностью к самоизменению.

Психологический способ понимания стоит особняком и завершает наш анализ, но по значимости он занимает ведущее положение, поскольку вмещает в себя все, что содержится в других глубинных способах. Этот способ исходит из понятия «психологизм» [2, с. 62], где индивидуальность человека представлена как таинственное динамическое образование, которое непрерывно развивается и никогда не завершится. По всем выбранным нами критериям психологический способ, несомненно, следует отнести к глубинным, но главное, что в центре психологизма находится понятие *самоценной личности*, т.е. индивидуальность не рассматривается через призму внешней полезности, но как самоценность, как то, ради чего стоит жить: неповторимость нашего опыта, уникальность впечатлений и переживаний и т.п.

Л.М. Баткин так пишет о беспрецедентности понятия самоценной личности: «То был не просто переход от одной традиционалистской модели (так или иначе основывающей достоинство индивидуальности на включении в надындивидуальный Порядок и Путь) к другой модели того же класса, а переход к новому классу моделей — к обоснованию индивидуальности из нее же самой: “вот этого” не как части и производного, но как актуального всеобщего» [2, с. 15]. Новаторство понятия самоценной личности заключается прежде всего в том, что оно позволяет вывести индивидуальность за пределы внешней причинности, что означает безусловный отказ от трактовки изменений, происходящих в психике человека, как пассивной реакции на внешнюю девиацию и осознанный переход к пониманию изменения как активного становления путем самоорганизации.

Расширенный психологизм

Понятие динамической индивидуальности — одно из основных составляющих концепции психологизма — само является динамичным, открытым для реформирования и расширения, что позволяет видеть новые перспективы, повороты и пласты в проблеме индивидуальности. В контексте данной статьи анализ трех взаимосвязанных постулатов динамического подхода к индивидуальности (непознаваемости, неаддитивности, незавершенности), проведенный мною ранее [9; 10], хотелось бы дополнить двумя замечаниями.

Первое. В свете гипотетического миропонимания динамическая индивидуальность предстает не просто тайной, но Тайной вдвойне, поскольку в гипотетическом представлении понимание индивидуальности достигается не через *сходство* с собой вчерашней (завершенной и известной), но через *отличие* от себя завтрашней (незавершенной, случайной и неизвестной).

Второе. Динамический подход может быть существенно развит и расширен, если в свете современных философских исследований рассмотрим индивидуальность как ризоморфную² среду, не имеющую единого управляющего центра и обладающую внутренним креативным потенциалом самоорганизации. Источником трансформаций динамической индивидуальности выступает не причинение извне, а внутренняя нестабильность и нефинальность, обусловленная ее потенциалом самоварьирования; поэтому индивидуальность как ризома может развиваться куда угодно и принимать любые формы. Реализация креативного потенциала самоконфигурирования осуществляется через разрешение основного противоречия индивидуальности — противоречия между стабильностью и подвижностью. Индивидуальность умеет говорить на двух языках — на языке движения и на языке пауз и остановок, она отличается одновременно и наибольшей твердостью, и наибольшей податливостью, властностью и большой покорностью человеку, умеющему изменять ее для своих нужд. Осознавая свою индивидуальность как границу своих возможностей, человек обозначает ее, чтобы преодолеть. В соответствии с этим принципом развитие динамической индивидуальности не может происходить в виде безостановочного ускользания или непрерывного плавного перетекания неизменного содержимого из одной формы в другую; самоорганизация ее происходит путем смены одного варианта фиксированности другим вариантом, это своеобразное пульсирующее преобразование, являющее каждый раз *не новые стадии, но новые версии* бытия индивидуальности. Это значит, что ни один из вновь

² Ризома — понятие философии постмодерна, фиксирующее принципиально внеструктурный и нелинейный способ организации целостности [8, с. 884].

появляющихся вариантов динамической индивидуальности не может рассматриваться как правильный и завершенный — они все открыты и равноправны. Понятие ризомы допускает как последовательное, линейное преобразование, так и параллельное, и даже дивергентное, когда каждая следующая версия индивидуальности становится точкой бифуркации, т.е. возникновения не одной, а двух или даже более одновременно реализуемых линий развития.

Расширенная этими существенными дополнениями смысловая аура психологизма позволяет исследователю индивидуальности органично вписаться в основные параметры глобального поворота современной культурной и научной исследовательской парадигмы, пунктуально обозначаемые следующим образом:

- от естественно-научного к гуманитарному подходу, что проявляется, прежде всего, в толерантности к субъективному, стремлении вернуть ему утраченный онтологический статус;
- от номотетики к идиографике, т.е. перенос внимания с общего (или типического) на особенное (исключительное), включая безусловный отказ от аддитивного подхода;
- от горизонтали к вертикали, от поверхности к глубине, т.е. сосредоточенность внимания на внутреннем;
- от центрации внимания на статике к фокусировке его на динамике;
- от абсолютной объективной (глобальной, фиксированной) истины к относительной субъективной (точечной, плавающей);
- от центризма к плюрализму;
- от пассивного бытия к активному становлению.

Послесловие, или Кризис объясняющих подходов

Уже после того, как был создан и проанализирован первый вариант орто-

гонального разделения способов понимания индивидуальности, стало ясно, что он дополнительно может служить иллюстрацией эволюционного перехода от объяснения к пониманию.

Об актуальности разграничения объяснения и понимания пишет в своей статье М.Ф. Румянцева: «Различение понимания и объяснения как целей познавательной деятельности имеет принципиальное значение. В гуманитарном знании, начиная с рубежа XIX—XX вв., ясно обозначилась оппозиция номотетического и идиографического подходов. ... если номотетические направления ставят задачу объяснения исторической действительности (отсюда и их прогностическая функция), то идиография преследует цель понимания культурно-исторических феноменов. Отсюда следует очевидное: идиография сохраняет гуманитарный характер исторического знания. Именно поэтому на ее путях сейчас и идет поиск выходов из кризиса объясняющих подходов.

Различия “объясняющих” и “понимающих” подходов имеют и глубокий этический смысл. “Объясняющий” подход и его прогностическая компонента обычно отводят человеку место составляющей в системе, действующей по “объективным законам”, что снимает с личности значительную долю ответственности. Может быть, именно поэтому “объясняющие” подходы психологически более комфортны. Задача “понимающего” подхода — адекватное понимание окружающей реальности с целью реализации свободы воли, принятия ответственных решений в индивидуальной и социальной жизни» [11, с. 170].

Как показывает проведенный нами анализ способов понимания индивидуальности, одни — поверхностные и псевдоглубинные — построены по традиционному объясняющему принципу, основанному на вероятностном миропонимании,

ограниченном наблюдением и фиксацией многообразия явлений без каких-либо попыток понять внутренние причины наблюдаемого. Главная особенность объясняющего подхода в том, что он стремится связать то, что происходит, с тем, что уже было ранее, упростить, свести непонятное к давно известному, втиснуть новое содержание в старые привычные формы. Доставая из сундука прошлого тот или иной готовый образец, человек тем самым открещивается от всего нового, подменяет истинное понимание объяснительной интерпретацией.

Другие, глубинные способы основаны на гипотетическом миропонимании и представляют понимание нового типа, девизом которого является: «соизмерять то, что есть, не с тем, что было, а с тем, что могло бы быть». Результатом такого понимания является не выбор ранее известного образца или алгоритма, а внутреннее переустройство, кардинальное изменение внутренней картины мира самого субъекта, самотворчество.

Литература

1. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности. М., 2001.
2. *Баткин Л.М.* Европейский человек наедине с собой. М., 2000.
3. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1986.
4. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996.
5. *Делез Ж.* Логика смысла. М., 1995.
6. *Джемс У.* Психология. М., 1991.
7. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. №7. С. 109–125.
8. История философии: энциклопедия. Минск, 2002.
9. *Печенков В.В.* Проблема целостной индивидуальности // Психология в вузе. 2006. № 1. С. 3–24.
10. *Печенков В.В.* Индивидуальность как ограниченность: динамический подход // Психология в вузе. 2006. № 2. С. 3–25.
11. *Румянцева М.Ф.* «Теоретическая игра» как способ исторического познания // Мир психологии. 1998. № 4. С. 159–171.
12. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987.
13. *Трофимова Я.И., Чудинова Е.В.* Как младшие школьники понимают, что такое развитие // Вопросы психологии. 1998. №2. С. 33–45.
14. *Франк С.* Смысл жизни. Берлин, 1925.
15. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
16. *Штейнер Е.С.* Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры / под ред. А.Я. Гуревича. М., 1990. С.164–190.